

— • Энтони Троллоп • —

БРИЛЛИАНТЫ ЮСТАСОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Т71

Серия «Викторианский бестселлер»

Перевод с английского *Е. Хузиятовой*

Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Лазаревой*

Троллоп, Энтони.

Т71 Бриллианты Юстасов / Энтони Троллоп ; [перевод с английского Е. Хузиятовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 880 с. — (Викторианский бестселлер).

ISBN 978-5-17-182207-1

Охотница за богатством Лиззи Грейсток легко покоряет сердце пожилого сэра Флориана Юстаса и вскоре становится очень богатой вдовой.

Будучи в душе авантюристкой, девушка легко заводит новых друзей и еще легче — новых врагов. Одним из них оказывается мистер Кемпердаун, верный адвокат Юстасов. Мистер Кемпердаун полон решимости вернуть в семью доставшиеся Лиззи фамильные драгоценности, и прежде всего — старинное бриллиантовое ожерелье.

И чтобы сохранить бриллианты Юстасов, Лиззи готова лгать, соблазнять и даже пойти на настоящее преступление...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-182207-1

© Перевод. Е. Хузиятова, 2025
Школа перевода В. Баканова, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Том I

Глава 1

ЛИЗЗИ ГРЕЙСТОК

Все друзья Лиззи Грейсток и все ее враги — а последнее, говоря по правде, были куда многочисленнее и энергичнее — признавали, что она неплохо устроилась в жизни. Мы поведаем историю Лиззи с самого начала — но не так пространно, как рассказывали бы, питай мы к ней расположение. Лиззи была единственным ребенком старого адмирала Грейстока, который на склоне лет оказался обременен дочерью, не зная толком, что с ней делать. Адмирал любил вист, вино и — осмелимся мы сказать — порок в целом и мечтал лишь о том, чтобы проводить каждый день своей жизни, предаваясь развлечениям. Говорят, в этом он преуспел: вист, вино и прочие пороки сопровождали его вплоть до смертного одра. Он не был богат, однако дочь его, будучи совсем еще ребенком, появлялась везде и всюду, униженная драгоценностями: кольца на пальцах, алые камни на шее, желтые — в сережках, белые — в черных волосах. Лиззи едва сравнялось девятнадцать, когда отец умер и она попала к ужасной старой мегере — леди Линлитгоу, своей тетушке. Лиззи предпочла бы поселиться у любых других родственников или друзей — будь у тех дом в Лондоне. Дядюшка, окружной викарий Грейсток из Бобсборо, готов был ее приютить: супруга его была добрейшей женщиной, а три дочери, милые и благонравные девицы, приложили немало усилий, чтобы подружиться с кузиной Лиззи, — но

6 амбиции последней простирались куда дальше, чем дом священника в Бобсборо. Леди Линлитгоу она ненавидела и, пока отец был жив, а сама Лиззи надеялась до его смерти устроить свое будущее, вовсе этой ненависти не скрывала. Упомянутая дама и впрямь не отличалась ни мягкостью нрава, ни терпимостью. Тем не менее, стоило адмиралу покинуть наш мир, и Лиззи без колебаний отправилась жить к «стервятнице», как называла графиню в письмах к кузинам из Бобсборо.

Адмирал оставил за собой долги — столь непомерные, что приходилось удивляться, как торговцы вообще верили ему на слово. Наследства не получил никто — в самом что ни на есть буквальном смысле, а господа Хартер и Бенджамин с Олд-Бонд-стрит снизошли до того, чтобы наведаться к леди Линлитгоу на Брук-стрит и попросить вернуть украшения, предоставленные ими за последний год. Лиззи заявила, что никаких украшений у нее нет, — во всяком случае, ничего такого, что стоило бы возвращать. Леди Линлитгоу, которая видела бриллианты самолично, потребовала объяснений — и получила ответ, что с драгоценностями «пришлось расстаться» по распоряжению адмирала для оплаты других долгов. Ни единому слову графиня не поверила, но и доискаться правды не смогла. На момент их разговора украшения действительно были заложены, чтобы обеспечить Лиззи средствами, ибо за личную горничную, билеты на поезд, мелкие безделушки, которые нельзя получить в кредит, — платить необходимо. В девятнадцать лет Лиззи умела обходиться без денег не хуже большинства других девиц, но даже у нее имелись траты, которых невозможно было избежать, и долги, которые надобно было оплачивать.

Знакомства с господами Хартером и Бенджамином она, тем не менее, не прекратила. Не прошло и восьми месяцев после смерти отца, как она тайно встретилась

с мистером Бенджамин, чтобы обсудить деловые вопросы: она-де явилась к нему, как только достигла совершеннолетия, и готова признать долг, подписав любой вексель, расписку или документ, которого потребует от нее достойное предприятие. У нее самой, разумеется, не было — и не предвиделось — ни гроша за душой; мистер Бенджамин наверняка это понимал. Едва ли мог он и рассчитывать на леди Линлитгоу — бедную как церковная мышь, несмотря на титул, — однако... Тут Лиззи сделала паузу, и мистер Бенджамин с самой обаятельной и проницательной улыбкой предположил, что, возможно, мисс Грейсток собирается замуж. Та, залившись кокетливым румянцем, призналась, что такое бедствие и впрямь может ее постигнуть: ей сделал предложение сэр Флориан Юстас. Мистер Бенджамин, как и весь свет, прекрасно знал, что сей джентльмен очень богат, не обременен долгами и может оплатить любые счета, которые ему выставят ювелиры. Чего же взыскует мисс Грейсток? Едва ли только того, чтобы будущий муж погасил старые задолженности, полагал мистер Бенджамин. Оказалось, мисс Грейсток желает получить в кредит сумму, достаточную для выкупа украшений из ломбарда; взамен она возьмет на себя выплаты по старым обязательствам. Мистер Бенджамин пообещал навести справки.

— Но вы же не выдадите меня? — спросила Лиззи. — Не то свадьба может расстроиться!

Мистер Бенджамин дал слово, что будет предельно осторожен.

То, что Лиззи Грейсток поведала ювелиру, отстояло от правды не так далеко, как можно было бы ожидать. Два незначительных искажения имелось: во-первых, совершеннолетия она еще не достигла — а значит, ее долги не лягут на будущего супруга; во-вторых, сэр Флориан Юстас не просил ее руки. Впрочем, он и правда был от

8 нее без ума, а значит, умело используя свои чары — включая заложенные драгоценности, — Лиззи вполне могла добиться от него предложения. Мистер Бенджамин навел справки и согласился на сделку. Он не сказал мисс Грейсток, что она солгала про свой возраст и ему о том известно. Сэр Флориан, без сомнения, оплатит долги жены, не оспаривая законности требований. Брак, насколько мистер Бенджамин мог судить, был весьма вероятен, и потому сделка представлялась выгодной. Лиззи получила свои украшения, а мистер Бенджамин — вексель, подписанный особой, якобы вступившей в законные права. Оба в итоге оказались в выигрыше.

От леди Линлитгоу возвращение драгоценностей не укрылось: они появлялись одна за другой — кольца на изящных пальчиках, рубины на шее, желтые висючие серьги в ушах, — невзирая на траур по отцу, который еще носила Лиззи. Графиня была не из тех, кто смолчит в таких обстоятельствах, — и не молчала, учиняя допросы с пристрастием. Она угрожала, бушевала, возмущалась и даже пыталась устроить набег на шкатулку с украшениями. Все было напрасно. Лиззи огрызалась, спорила и стояла на своем — ведь помолвка с сэром Флорианом была так близка, а графиня слишком хорошо понимала ценность этого брака, чтобы рисковать им, устраивая открытый скандал. Обитатели домика на Брук-стрит — очень тесного и неудобного, плотно втиснутого между двумя другими — отнюдь не были счастливым семейством. Самая большая спальня принадлежала графу Линлитгоу, сыну старой графини, который проводил в Лондоне не более пяти ночей в год; кроме него в доме жили лишь тетка, племянница да четверо слуг, в том числе горничная Лиззи. Почему же графиня в столь неблагоприятных обстоятельствах взяла на себя заботу о племяннице? Потому лишь, что считала это своим долгом.

Леди Линлитгоу прекрасно знала жизнь и была женщиной скупой, раздражительной, себялюбивой и мелочной. Она с радостью не заплатила бы мяснику за отбивную или удержала с кухарки месячное жалованье, если бы нашла для этого хоть сколько-нибудь законный предлог. Она не гнушалась никакой ложью, чтобы снискать успех в обществе — или то, что считала таковым. Поговаривали, будто она жульничает в картах. В злоязычии с ней не могла сравниться ни одна из ехидных старых кумушек от Бонд-стрит до Парк-лейн — и даже, что еще поразительнее, ни один из желчных старых ворчунов в мужских клубах. Тем не менее она признавала за собой определенные обязательства — и выполняла их, несмотря на все неудобства. Она ходила в церковь — не для того, чтобы ее там видели, ибо, говоря по правде, чужое мнение нимало ее не заботило, но потому, что считала это правильным. По той же причине она приютила Лиззи Грейсток, которую ненавидела почти так же сильно, как проповеди, но покойная жена адмирала была ее сестрой, и леди Линлитгоу чувствовала, что таков ее долг. Взяв на себя заботу о красавице племяннице, тетка поставила целью своей жизни выдать ее замуж. И сколь бы ни было сладостно воображать, как Лиззи будет — совершенно заслуженно! — мучиться до конца своих дней, леди Линлитгоу желала ей блестящей партии, чтобы ежечасно напоминать, чья это заслуга. Сэр Флориан Юстас был партией превосходной, и потому в расследовании судьбы драгоценностей леди Линлитгоу проявила чуть меньше рвения, чем могла бы при иных обстоятельствах.

Итак, союз — действительно блестящий — и впрямь был заключен. Сэр Флориан — молодой человек лет двадцати восьми, очень красивый, с огромным состоянием и вовсе без долгов — вращался в лучших кругах, пользовался популярностью и был настолько благоразумен, что

10 никогда не рисковал деньгами на скачках или в игорных домах, а кроме того, имел репутацию блестящего воина и был страстно влюблен. За ним водились лишь две вещи, которые можно было счесть — или не счесть — недостатками: он был порочен и смертельно болен. Когда некая добрая душа намекнула на второе обстоятельство леди Линлитгоу, графиня захлопала глазами, засуетилась, а после принялась уверять, что советовалась с врачами и те якобы заявили: сэр Флориан будет вне опасности, если только женится. Все это, разумеется, было ложью. Добрая душа сообщила о болезни и Лиззи, и та поклялась про себя, что отомстит непрошеному советчику. Так или иначе, ухаживания продолжались.

Мы сказали, что сэр Флориан был порочным, но порочным не в общепринятом смысле этого слова и даже отнюдь не дурным человеком. Он не отказывал себе ни в каких прихотях, во что бы те ни обходились — для кошелька, здоровья или нравственности. Он едва ли имел ясное представление о таких понятиях, как грех или зло. В добродетель как некое свойство окружающего мира сэр Флориан также не верил. Честь он ценил весьма высоко и — что было с его стороны довольно великодушно — считал, что раз уж ему многое дано, то много и спросится. Он был высокомерен, учтив — и чрезвычайно щедр; даже в его грехах было нечто благородное. Кроме того, ему присуща была особая отвага — того сорта, про который трудно решить, достойна ли она восхищения. Ему говорили, что он близок к смерти — очень близок, если не переменит образ жизни. Не поехать ли ему, к примеру, в Алжир на некоторое время? Разумеется, нет. Ни за что. Если он умрет — так у него есть брат Джон, который унаследует все. Страх смерти ни разу не омрачил гордого, прекрасно очерченного лба. Никто из Юстасов не доживал до преклонных лет: чахотка раз за разом взимала

с этой семьи свою скорбную дань. Но все они были 11
выше того, чтобы цепляться за жизнь.

И вот сэр Флориан влюбился. Говоря об этом с братом — единственным, пожалуй, с кем был близок, — он признался: ежели та, кого он любит, согласится стать его женой, он постарается возместить ей преждевременное вдовство щедрым брачным договором. Джон Юстас, которого дело касалось непосредственно, против намерения брата не возражал: Юстасы, опять-таки, были выше этого.

Истинный джентльмен, сэр Флориан, однако, оказался не слишком проникателен, разумен и сметлив, коли из всех женщин в мире счел Лиззи Грейсток самой чистой, искренней и благородной. Как мы уже сказали, в добродетель сэр Флориан не верил и открыто выражал сомнения в том, что она присуща женщинам любых сословий. Впрочем, на мать и сестер он смотрел так, будто те сошли прямиком с небес; и готов был видеть в собственной жене едва ли не саму Мадонну. В Лиззи Грейсток, на его взгляд, соединились ум, чистота, красота, правдивость — все в превосходной степени. Умом и красотой природа ее и впрямь не обделила; что же до чистоты и правдивости... И как только сэр Флориан Юстас мог оказаться настолько слеп?

Сэр Флориан и правда звезд с неба не хватал, а сам и вовсе считал, что непроходимо глуп, и, веря в собственную глупость, желал — и желал отчаянно! — обрести те плоды интеллекта, которые, как он полагал, даст ему общество умной женщины. Лиззи прекрасно читала стихи — и делала это для него, сидя рядом в полумраке, когда лишь приглушенный свет лампы падает на страницы книги. Сэр Флориан был поражен: сколь сладостна, оказывается, может быть поэзия! Сам он никогда не мог осилить и строчки, но в устах Лиззи каждое слово казалось чарующим. Вот новое наслаждение, о котором он давно мечтал, хоть

12 и насмехался над ним прежде: Лиззи поверяла ему свои мысли, — и перед ним раскрывались удивительные радости, которые способна принести работа ума. Он был, как мы помним, горделив и надменен внешне, но в душе оценивал себя скромно, даже принижал. Зато каким совершенным существом казалась ему эта женщина, каким божественным откровением звучал ее голос!

В конце концов он, робко отводя взгляд, осмелился признаться в любви. Не согласится ли она стать его женой? Только пусть выслушает, прежде чем отвечать. Говорят, он проживет недолго. Сам он отнюдь не уверен, что это правда. Порой он чувствует себя скверно — по-настоящему скверно, — но в другие моменты как будто вполне здоров. Если Лиззи рискнет связать с ним жизнь, он постарается окупить ее возможные страдания своей щедростью. Говорил сэр Флориан долго и все это время почти не смотрел избраннице в лицо.

Однако молодого человека требовалось приободрить — подать ему знак, намекнуть на ответное чувство. Когда он завел речь о грозящей ему опасности, из ее горла вырвался тихий всхлип сродни музыкальному аккорду, звук печали, на фоне которого слова сэра Флориана обрели непривычную для него самую выразительность. Когда он перешел к выражениям надежды, звуки сменили тональность, но не смолкли совсем. Когда было упомянуто денежное состояние, Лиззи упала к ногам сэра Флориана. «Только не это! — воскликнула она. — Только не это!» Он подхватил ее, обнял за талию и попытался объяснить, что лишь хочет исполнить свой долг. Она вырвалась из его объятий, не пожелав больше слушать, но... но... он вновь заговорил о любви, и она спрятала лицо у него на груди. Помолвка, разумеется, состоялась.

Впрочем, и тогда удача еще могла ускользнуть из ее рук. Прошло всего десять месяцев с тех пор, как умер ее

отец, — что следовало ей отвечать на обычные в таких случаях горячие просьбы сыграть свадьбу как можно раньше? Наступил июль. Нельзя было допустить, чтобы сэр Флориан встретил неженатым еще одну зиму: глядя на него, Лиззи видела, что причины для опасений имеются. О небеса! Что, если радужные надежды пойдут прахом и ее запомнят лишь как невесту покойного сэра Флориана! Он сам настаивал на скором браке — по тем же причинам. «Мне советуют перебраться на юг к началу октября, — сказал он. — Я не хочу ехать один. Вы ведь понимаете, о чем я, Лиззи?» Конечно, она вышла за него — в сентябре.

Медовый месяц — длившийся шесть недель — они провели в поместье сэра Флориана в Шотландии; первый удар последовал, когда они по дороге из Шотландии в Италию остановились проездом в Лондоне. Господа Хартер и Бенджамин выставили счет — на сумму чуть более четырехсот фунтов; пришли и другие требования. Сэр Флориан, разумеется, мог оплатить их без труда, но при этом неизбежно понял многое и о многом же догадался. Лиззи так и не узнала в точности, сколько ему стало известно; несомненно было одно — он уверился, что она лгала. Лиззи могла бы уладить это дело с большей ловкостью, признайся сразу: вероятно, муж снес бы все безропотно, — но не понимала, что подписала, и думала, что ювелиры просто выставят ее супругу новые счета. Лиззи солгала — и ложь была раскрыта. Едва ли ее это особенно беспокоило. Лишенная настоящей чуткости, она также была лишена и совести. Как бы то ни было, супруги все же поехали за границу, и к середине зимы в Неаполе сэр Флориан уже знал, что представляет собой его жена на самом деле. К концу весны он умер.

Лиззи разыграла партию умело — и выиграла. Кто знает, испытывала ли она сожаление, терзало ли ее рас-

14 каение, когда она поняла, что супруг уходит, — или позднее, когда его не стало? Человек не так стоек, чтобы всей душой и без задней мысли предаться добру, а следовательно, по-видимому, и не настолько слаб, чтобы сполна наслаждаться злом. Наверняка сердцу Лиззи случалось болезненно сжиматься, когда она, глядя в лицо умирающего, видела в нем тень разочарования, или когда слышала резкий, раздраженный голос, в котором более не звучала нежность. Быть может, ей делалось не по себе при мысли, что ее обман скорее всего приблизил смерть супруга. Овдовев, она сперва была несчастна и не желала никого видеть, потом вернулась в Англию и укрылась от всех в маленьком доме в Брайтоне. Леди Линлитгоу предложила приехать к ней, но Лиззи умоляла оставить ее одну. В течение нескольких месяцев она и правда испытывала ужас от стремительности произошедших перемен. Год назад она едва знала человека, ставшего ее мужем, а теперь она вдова, и вдова весьма обеспеченная, которая вдобавок носит под сердцем дитя — плод супружеской любви.

Но даже в эти первые дни вдовства и друзья, и враги Лиззи Грейсток ничуть не сомневались, что она устроилась крайне удачно. Всем было известно, что условия брачного контракта необычайно щедры.

Глава 2

ЛЕДИ ЮСТАС

Лиззи Грейсток — или, как следует ее теперь называть, леди Юстас, — не была полностью предоставлена сама себе в скромном обиталище в Брайтоне, ибо тому препятствовали некоторые обстоятельства. На дворе был апрель, и до конца лета, если все пойдет благополучно,

ей предстояло стать матерью. Воля судеб в этом деле имела значение чрезвычайное. Если родится сын, он унаследует все — разумеется, за исключением доли, закрепленной за самой Лиззи; если дочь — ей достанется большое личное состояние, которым на момент смерти обладал сэр Флориан. В отсутствие сына наследником йоркширских имений, составлявших основу семейного богатства, будет Джон Юстас, брат усопшего. Если же ребенок не выживет, Джону Юстасу достанется все, что не отписано вдове, или иным образом, не предусмотренным завещанием. Сэр Флориан составил брачный договор непосредственно перед свадьбой, а завещание — сразу после, и не внес в них никаких изменений во время событий, омрачивших пребывание в Италии. Брачный договор был чрезвычайно щедрым: все имение в Шотландии оставалось Лиззи в пожизненное пользование, а после отходило ко второму сыну, если таковой появится на свет. Также она получала денежные средства — более чем достаточные — на случай любых непредвиденных нужд. Узнав о содержании завещания, она поняла — насколько в целом была способна понять такие материи, — что теперь богата. Лиззи при всем своем уме почти ничего не знала ни о ценности денег, ни о праве собственности, ни о земле и доходах с нее — точнее, знала примерно столько, сколько любая девушка, не достигшая и двадцати одного года. Имение в Шотландии, полагала она, теперь принадлежит ей безраздельно — и навечно, ведь второго сына быть не может; одновременно, впрочем, она сомневалась, что оно вообще ей достанется, если не будет и первого сына. Что до денег — вдова не знала, будет ли оговоренная сумма выделена из шотландского имения или же независимо от него, а кроме того — является ли она ежегодным пособием или подлежит выплате единократно. Еще в Неаполе Лиззи полу-